

ДЕМО-ВЕРСИЯ · БЕСПЛАТНО

Exambooster

Экономическая теория: кандидатский экзамен — пробный вопрос

Один полный разбор из перечня вашего экзамена — посмотрите формат перед покупкой: тезисный конспект, развёрнутый ответ с опорой на первоисточники и указание, из каких работ взят каждый тезис. В полном пособии — 58 вопросов перечня кафедры экономической теории для испытания «кандидатский экзамен по специальной дисциплине».

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

Аспирантура МГИМО · 5.2.1 «Экономическая теория», кафедра экономической теории

ПРОГРАММА

кандидатский экзамен по специальной дисциплине

Демо-пособие · 2026

Независимое издание. Подготовлено «Exambooster» самостоятельно, не является официальным изданием МГИМО МИД России, не одобрено и не согласовано университетом. Названия вуза и образовательных программ приведены исключительно для указания предмета подготовки.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ · ВОПРОС К06 · ДЕМО

Цели и инструменты экономического национализма

■ Понятие: не синоним протекционизма

- Джонсон (1965): программа ради «психического дохода» национализма, в ущерб материальному;
- Гилпин сводит его к меркантилизму и статизму — критики (Хеллайнер, Абделаль) считают это подменой;
- три измерения: идеология/политика, политическое действие (легитимация через нацидентичность), структура;
- даже либерализация может быть его формой (Япония 1990-х).

■ Цели (Абделаль, 4 механизма)

- придаёт экономике социальную цель — защиту нации;
- оправдывает экономическую жертву ради общих целей;
- удлиняет горизонт планирования;
- задаёт направление политики «от иного» — от группы, воспринимаемой как «другая»;
- устремления — развитие и автономия, их содержание задаёт нацидентичность, не баланс сил.

■ Классика: меркантилизм и Лист

- Смит: цель системы — минимизировать импорт, максимизировать вывоз; инструменты — пошлины, монополия метрополии в колониях;

- Лист — «воспитательный протекционизм»: тариф временен, пока промышленность не окрепнет, ради «процветания, культуры, языка» нации;
- Восточная Азия XX в.: развитие подчинено логике нацбезопасности.

■ Современные формы — та же логика, другое явление

- импортозамещение, промполитика, релокация не тождественны классике — иной масштаб;
- США: CHIPS Act, IRA; тариф (2,3%→~9,8% к дек.25); 20.02.26 Верховный суд признал тарифы по IEEPA незаконными, переход на ст. 122/301;
- ЕС — «стратегическая автономия»; Китай — «двойная циркуляция»; Индия — «Атманирбхара Бхарата»;
- Иран — «экономика сопротивления»; Россия — счета типа «С», деофшоризация.

■ Инструменты и итог

- экспортный контроль технологий, скрининг ПИИ (стран-пользователей: 3 → 37 за 1995–2022 гг.), «решоринг»/«френдшоринг», госбрендинг нации;
- цель (автономия, безопасность, идентичность) постоянна, инструменты меняются вплоть до противоположных — классика Листа и нынешнее импортозамещение разные явления одной логики.

■ РАЗВЁРНУТЫЙ ОТВЕТ

■ Введение: не синоним протекционизма

Экономический национализм часто путают с простым протекционизмом — набором тарифов и запретов, защищающих внутренний рынок. Это упрощение. Классическое операциональное определение Гарри Джонсона (1965) описывает его шире: программа, которая «стремится расширить собственность, принадлежащую гражданам страны, чтобы удовлетворить тягу к национализму», и в этом смысле готова направлять экономическую политику на производство «психического дохода» в форме национального удовлетворения — даже ценой материального дохода. То есть мотив не сводится к прибыли или эффективности: он идеологический.

Роберт Гилпин (1987) в своей влиятельной трактовке фактически отождествил экономический национализм с меркантилизмом, статизмом и протекционизмом — с позицией, что экономика должна быть подчинена целям государственного строительства. Более поздние исследователи (Э. Хеллайнер, А. Пикел, Р. Абделаль) оспаривают это отождествление: то, что Гилпин называет национализмом, на деле статизм — доктрина о примате государственных интересов, а не национальных. Экономический национализм, по их аргументу, следует анализировать в трёх измерениях: как идеологию или политическую программу, как политическое действие (процесс легитимации курса через апелляцию к национальной идентичности, а не механическое обслуживание готовых интересов) и как структуру — совокупность «национализирующих механизмов»: языка, коллективных представлений и практик, на которых

держится государство. При этом даже экономический либерализм может выступать формой экономического национализма, если его продвигают ради национальных целей, — оппозиция «национализм против либерализма» здесь снимается.

■ Цели: четыре механизма и два общих устремления

Наиболее операциональную формулировку целей даёт Р. Абделаль. Национализм влияет на внешнеэкономическую политику государств через четыре механизма: во-первых, придаёт экономической политике фундаментальную социальную цель, связанную с защитой и культивированием нации; во-вторых, делает приемлемой экономическую жертву ради достижения общих для сообщества целей; в-третьих, удлиняет горизонт планирования — государство готово нести издержки сегодня ради результата через десятилетия; в-четвёртых и самое существенное — задаёт направление политики: от той группы, которую нация воспринимает как «иную», нередко в сторону другого культурного пространства.

Отсюда вырастают два содержательных устремления, общих для большинства версий экономического национализма, — относительное развитие и автономия. В отличие от реалистской традиции международных отношений, где эти категории объясняются распределением силы между государствами, здесь их конкретное наполнение задаёт национальная идентичность: что значит «развиваться» и от кого быть автономным, решает не абстрактная логика баланса сил, а представление нации о себе и о своём «другом». Показательны три предмета, вокруг которых экономический национализм политизирует хозяйственную жизнь: статус членов нации в экономике, распределение дохода и богатства, структура занятости и собственность на капитал. Это отличает его от статистской логики «извлечения дохода» в казну как таковой.

■ Классическое явление: меркантилизм и воспитательный протекционизм Листа

Исторически идея восходит к меркантилизму XVII-XVIII веков. Адам Смит описывал его цель как «уменьшение, елико возможно, ввоза иностранных товаров для внутреннего потребления и увеличение по возможности вывоза продуктов отечественной промышленности» — и перечислял инструменты: запретительные пошлины на конкурирующий импорт, возврат пошлин при вывозе, экспортные премии, выгодные торговые договоры и монополию метрополии в колониях. Британская колониальная политика довела этот набор до предела: монопольные торговые компании, списки «перечисленных товаров», которые колонии могли продавать только метрополии, запрет на устройство сталелитейных заводов в американских колониях при свободном ввозе сырого чугуна, запрет вывоза шерсти под угрозой отсечения руки за первое нарушение и смертной казни за второе, запрет эмиграции квалифицированных мастеров под угрозой конфискации имущества. Показательно, что Смит при этом защищал Навигационный акт — не как экономически выгодную меру (он прямо признавал её вред торговле), а как инструмент национальной обороны против

голландского морского могущества: «оборона страны гораздо важнее, чем богатство».

Отдельная историческая форма — воспитательный протекционизм Фридриха Листа («infant industry protection»): тариф оправдан не постоянной защитой, а временной, пока молодая национальная промышленность не окрепнет и не сможет конкурировать на равных. Лист прямо связывал экономическую программу нации с задачей более широкой, чем прибыль: нация обязана сохранять «своё процветание, культуру, национальность, язык и свободу». Именно эта связка — тариф как временное средство ради конечной цели национального выживания и достоинства, а не самоцель — отличает лист-овский протекционизм от простого тарифного лоббизма в пользу отдельных отраслей.

■ Экономический национализм в XX веке: развитие через безопасность

В Восточной Азии второй половины XX века (Япония, Южная Корея, Тайвань) экономический национализм принял форму, где движущей силой было не абстрактное стремление к благосостоянию, а логика национальной безопасности: незавершённые гражданские войны, холодная война и страх уничтожения превращали развитие в способ выживания. Инструменты этого периода — принудительная индустриализация, направленное льготное кредитование через связку крупного бизнеса и государства, импортозамещающая индустриализация с последующим переходом к экспортной ориентации, а затем — программы форсированного развития тяжёлой и химической промышленности с финансовой репрессией (кредиты чеболям по ставкам ниже рыночных). В Японии 1950–1970-х годов те же цели реализовывались через таможенно-тарифную защиту и жёсткий государственный контроль внешнеэкономических сделок, а к 1990-м годам — парадоксальным образом — через дерегулирование и либерализацию, мотивированные той же логикой национального выживания в условиях глобализации и внешнего давления. Это показывает: содержание политики (протекционизм или либерализация) вторично, первична цель — сохранение и укрепление позиций нации.

■ Современные формы: импортозамещение, промышленная политика, релокация

Экономический национализм классической эпохи (меркантилизм Смита, воспитательный протекционизм Листа) и его нынешние формы — разные исторические явления одной и той же логики, а не одно и то же под разными именами: инструментарий, масштаб и институциональная среда несопоставимы. Пандемия COVID-19 и последовавшие геополитические потрясения вернули в повестку идею опоры на собственные силы вплоть до постановки вопроса об автаркии как крайней форме внутреннего экономического национализма, минимизирующей внешние связи. Наблюдатели говорят о «протекционизме 2.0» — обращении к импортозамещению, локализации производства и защите рынков от нежелательных иностранных инвестиций.

Соединённые Штаты в начале 2020-х проводили промышленную политику через закон об инфраструктуре, закон о полупроводниках (CHIPS Act, субсидии на производство чипов в Северной Америке) и закон о снижении инфляции (субсидии «зелёной» энергетике с требованиями локализации — например, льгота на электромобиль обусловлена местной сборкой батарей). При новой администрации 2025–2026 годов акцент сместился к тарифному инструментарию: в апреле 2025 года был введён широкий базовый тариф на импорт почти из всех стран, средневзвешенная эффективная ставка выросла с 2,3% в январе 2025 года до примерно 9,8% к декабрю 2025-го. 20 февраля 2026 года Верховный суд США решением 6:3 постановил, что закон о чрезвычайных экономических полномочиях (IEEPA) вообще не даёт президенту права вводить тарифы; в ответ администрация в тот же день ввела десятипроцентную временную надбавку на основании ст. 122 Закона о торговле 1974 г. (допускающей не более 150 дней), которая истекла 24 июля 2026 года и была в тот же день заменена новым раундом тарифов на основании ст. 301. При этом сама идея закона о полупроводниках подверглась политическому давлению: администрация предлагала его отменить, назвав расходы неэффективными, тогда как в Конгрессе отмена не была поставлена в повестку — окончательное финансирование по этой программе рассчитано на 2026 финансовый год. Результаты форсированного возврата производств пока скромные: по опросам конца 2025 года лишь около трети компаний планировали релокацию мощностей в США, а число рабочих мест в обрабатывающей промышленности сокращалось несколько кварталов подряд — то есть тарифный нажим и снижение зависимости от одного поставщика (за счёт переориентации импорта с Китая на другие азиатские страны) не тождественны физическому возврату производств.

Европейский союз реализует собственную версию — «открытую стратегическую автономию»: способность самостоятельно определять экономическую политику при защите от «нечестных торговых практик» и экономического принуждения. Конкретные инструменты — механизм мониторинга прямых иностранных инвестиций, трансграничный углеродный налог, инструмент противодействия экономическому принуждению и защита рынков государственных закупок; параллельно обсуждается собственный ответ на американские субсидии «зелёной» энергетике. Китай с 2020 года реализует стратегию «двойной циркуляции» — перенос центра тяжести с внешней торговли на стимулирование внутреннего спроса и технологическую самостоятельность, сформулированную как курс «Китай — для Китая, а уже потом для остального мира» и закреплённую в пятилетнем плане на 2021–2025 годы; на съезде правящей партии в 2022 году задача расширена до «выращивания новых двигателей роста» в передовых технологиях. Индия с 2020 года продвигает программу «Самодостаточная Индия» (Атманирбхара Бхарата) — цель независимости в пяти сферах, от инфраструктуры до демографической политики, с конкретной мерой поэтапного импортозамещения вооружений по спискам из нескольких сотен наименований. Отдельный показательный кейс — Иран, где после революции 1979 года и под давлением санкционного режима сложилась

«экономика сопротивления»: локализация нефтехимии и оборонного производства, множественные валютные курсы, расчёты в обход международной платёжной инфраструктуры — доведённая до предела логика автономии, структурно родственная описанным выше механизмам, но вызванная не выбором, а внешним принуждением.

Российская экономическая политика после 2022 года также укладывается в эту логику: ответ на заморозку валютных резервов и активов российских банков — усиление валютного регулирования и валютного контроля, включая специальный режим счетов типа «С» для поэтапного вывода средств инвесторов из недружественных юрисдикций; параллельно продолжается деофшоризация — повышенное налогообложение зарубежных компаний с российским капиталом и создание специальных административных районов для редомициляции бизнеса. Это национально ориентированная политика в чистом виде: цель — снижение уязвимости от внешнего давления и защита национальной финансовой системы, а не абстрактная фискальная выгода.

■ Инструменты: от тарифа до национального бренда

Набор инструментов современного экономического национализма шире тарифов и квот. Помимо промышленной политики и импортозамещения, к нему относят экспортный контроль технологий (Япония с 2023 года ужесточила экспорт оборудования для передовых полупроводников, несмотря на зависимость собственных производителей чипов от китайского рынка), скрининг иностранных инвестиций по соображениям национальной безопасности (число стран, применяющих такой скрининг, выросло с трёх в 1995 году до 37 к 2022-му), «решоринг» и «френдшоринг» — переориентацию цепочек поставок на политически союзные страны в ущерб экономической эффективности, а также нетарифные меры, замаскированные под защиту культурного и продовольственного суверенитета: регулирование генетически модифицированных организмов в Евросоюзе (обязательное одобрение, маркировка, прослеживаемость «от фермы до вилки») и защита географических указаний вроде рокфора или пармской ветчины — инструменты, которые, по наблюдению исследователей, могут дискриминировать даже собственных производителей, не входящих в признанный консорциум продукта.

Отдельный, менее очевидный инструмент — государственный брендинг нации. Новая Зеландия с 1999 года продвигала образ «100% чистой» страны для привлечения туристов и монетизации национальной идентичности, координировала экспорт киви под единым государственным брендом, а в 2003 году мобилизовала национализм вокруг парусной регаты Кубка Америки под лозунгом «страна важнее денег» — при том что организаторы кампании сами были заинтересованы в притоке иностранного капитала. Это показывает: национальный брендинг — инструмент экономического национализма, который не противостоит глобализации, а обслуживает её же цели, привлекая капитал и рынки сбыта, а не отгораживаясь от них.

■ Итоги и значение

Экономический национализм — не тождественен ни меркантилизму, ни статизму, ни протекционизму: это идеология и практика, где содержание экономической политики подчинено защите и утверждению национальной идентичности, а конкретный набор инструментов — тарифы, промышленная политика, валютный контроль, экспортные ограничения, брендинг или даже либерализация — определяется историческим контекстом, а не фиксированной доктриной. Ключевая методологическая ошибка — сводить его к одному набору «стандартных» мер: одна и та же цель (автономия, безопасность, национальная идентичность) в разное время и в разных странах оправдывала как жёсткий протекционизм, так и дерегулирование. Современные формы — импортозамещение, промышленная политика, релокация производств — продолжают логику, впервые описанную применительно к меркантилизму и воспитательному протекционизму Листа, но представляют собой самостоятельное историческое явление: их вызывают к жизни глобализация цепочек поставок, санкционное противостояние и технологическая конкуренция XXI века, а не защита едва народившейся отрасли от иностранной конкуренции. Понимание этой связи и этого различия и позволяет анализировать сегодняшние торговые войны, санкционные режимы и программы технологического суверенитета не как аномалию глобализации, а как её постоянного и меняющегося спутника.

EXAMBOOSTER

Понравился формат? Заберите полное пособие

В полном издании «Экономическая теория: кандидатский экзамен» — 58 вопросов перечня кафедры экономической теории для испытания «кандидатский экзамен по специальной дисциплине» в таком же формате + доступ в закрытый Telegram-канал, где каждый вопрос перечня — отдельный пост с навигацией.

Купить magistratura.exambooster.ru/materialy

Telegram-канал [@mgimo_exambooster](https://t.me/mgimo_exambooster)

Телефон +7 (925) 886-41-35

E-mail info@exambooster.ru

**Цена — 8000 ₽, разовый платёж:
пособие в PDF + закрытый канал.**

Дмитрий Санько — основатель Exambooster, выпускник МГИМО (МЭО, 2010) и Ryerson University, ex-преподаватель МГИМО. · ИП Санько Дмитрий Сергеевич, ИНН 772854182473.